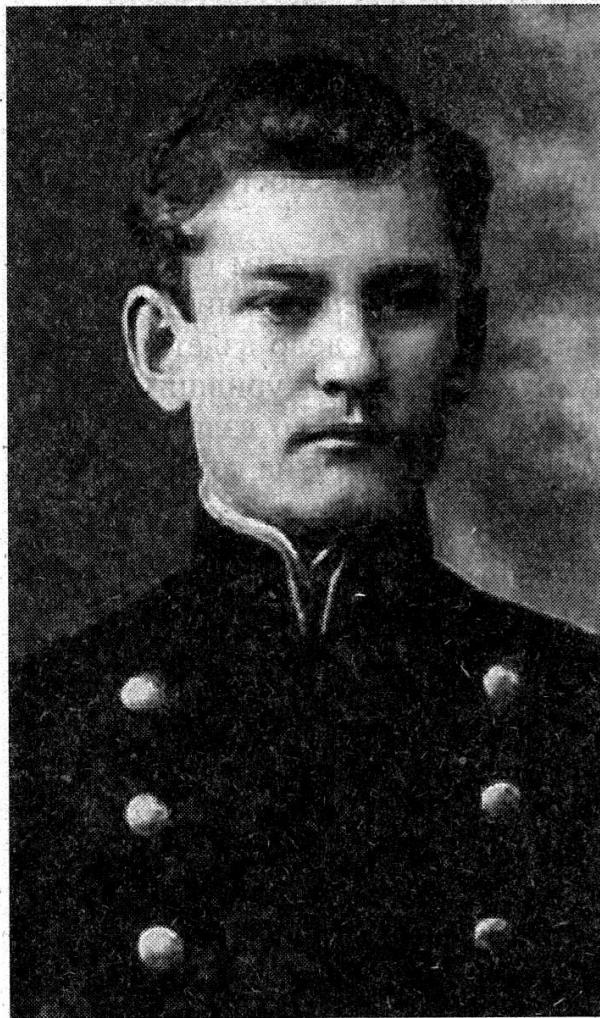

Петро ВАСЮЧЕНКО

Андрей Мрый, его мир и его тень — странное создание Самсон Самосуй

К 135-летию со дня рождения белорусского писателя-сатирика

Один из наиболее загадочных белорусских писателей, член литературного объединения «Узыши», намеревавшегося создать литературу, которой удивились бы века и народы, неистовый и неутомимый сатирик, черпавший вдохновение в деформациях сталинского режима, просто человек, прошедший через душевые и физические испытания, ссылку, каторгу, вычеркнутый из литературы и вернувшийся в нее, — таким видится на расстоянии лет Андрей Мрый (1893—1943), настоящее имя которого — Андрей Андреевич Шашалевич.

Не имел безупречной репутации пролетарского писателя, родился в семье чиновника, учился в духовной семинарии, готовился стать священником. Религия, вера своеобразным образом войдет в его творчество, преломившись, как и все остальное, в призме его универсального сатирического видения. По возрасту и убеждениям мог бы стать и молодым писателем-нашенивцем, но судьба увлекала его в иные сферы.

Участвовал в Первой мировой и гражданской войнах, на тех же основаниях, что и его современник Максим Горецкий, принадлежит к «потерянному поколению», представленному именами Анри Барбюса, Эрнеста Хемингуэя, Ричарда Олдингтона, Эрих Марии Ремарка, Ярослава Гашека. Военную карьеру окончил в звании прапорщика, вернулся к мирной профессии учителя, после демобилизации преподавал с 1921 по 1926 годы уроки французского языка и истории в Краснопольской школе второй степени.

Семья будущего сатирика была артистической. Как вспоминал поэт Сергей Граховский, «Шашалевичи создали первый в районе драматический театр, в школе организовали драматический и литературный кружки, издавали рукописный журнал «Праглеска». Сатирический раздел в нем вел Андрей Шашалевич... Они ставили спектакли по пьесам Островского, Горького, Чехова для школьной самодеятельности, писали одноактовки, там же Василь Антонович начал писать свою знаменитую «Апраметную». Василь Шашалевич, брат сатирика, стал

известным белорусским драматургом, автором оригинальных, смелых по замыслу пьес «Апраметная», «Рой», «Змрок», «Сімфонія гневу», «Воўчыя ночы». Его ожидала трагическая судьба — он был осужден в 1936 году и погиб в сталинском ГУЛАГе за два года до смерти брата Андрея. Андрей, также наделенный артистической натурой, любивший шутки, розыгрыши, избрал своей карьерой литературу, сатиру». Ошибся или нет?

Литература в нем не ошиблась. Но ошиблось время, беспощадное к тем, кто шел вразрез с ним, игнорировал его стандарты и штампы.

Начинал с зарисовок, образков, юморесок и очерков, которые с 1924 года высыпал в газету «Савецкая Беларусь», журнал «Наш край» и литературное дополнение к нему «Чырвоны сейбіт». Селькор, казалось бы, бесхитростно повествовал о случаях на колхозном рынке, о крестьянских разборках.

Перелом в его творчестве случился по приезде в Минск, где он поступил на работу в Центральное бюро краеведчества. Именно в этот момент в литературной жизни Беларуси происходит знаковое событие: раскол в литературной организации «Маладняк». Наиболее одаренные представители массового литературного объединения выражают нежелание ориентироваться на вал, на конвейер, политическую конъюнктуру и изъявляют желание творить для вольной Беларуси.

Вступить в литературное объединение «Узышиша», представлявшее литературную элиту, было непросто. И тем не менее, Андрея Мрыя, автора нескольких рассказов («Калектыў Яўмена», «Рабін», «Няпросты чалавек», «Камандзір»), приняли. Как приняли и молодого Кузьму Чорного, и совсем юного Лукаша Калюгу, видимо, потому, что они выделялись не только талантливостью, но и способностью идти «против течения».

Например, рассказ «Камандзір» (1927) посвящен отнюдь не образу красного военачальника, который на боевом коне врывается в стан белополяков, как того требовала конъюнктура. Командирами становились зачастую полуграмотные крестьяне, один из которых предъявляет следующую самохарактеристику: «А мы, ведаеце, ні бэ, ні мэ! Ні ойча наш, ні багародзіцу. Толькі, праўда, лаянкаю добра крылі». Новоиспеченные командиры с удовольствием участвуют в погромах революционного времени, хотя автор готовит для них належащую кару. «Скінулі мяне з камандзірства, засадзілі ў турму. Судзілі мяне. Суд, пабачыўшы мае маладыя леці, дараваў мне, вярнуў у часць. А там накіравалі мяне на курсы, дзе я зразумеў, які я гад быў і што няправільна разумеў усё».

По мере того как Андрей Мрый из автора, изобличавшего человеческие недостатки, превращается в сатирика универсального масштаба, его вера в справедливый суд минимизируется. Он сам претендует на роль судьи — но только в области литературы.

На своем пути от зарисовок, юморесок, новелл к сатирическому роману А. Мрый следовал литературному опыту своих современников, избравших путь великого обобщения, независимо от того, были они сатириками или нет. Подобным образом картины своего времени создавали И. Бабель, А. Платонов, М. Булгаков, И. Ильф и Е. Петров, М. Зощенко, М. Горецкий, К. Чорный, К. Крапива.

Автор избрал путь универсальной сатиры, иначе говоря, примкнул к таким классикам мировой литературы, как Аристофан, Лукиан, Эзоп, Брант, Эразм Роттердамский, Рабле, Мольер, Крылов, Гоголь, Салтыков-Щедрин, которые создавали гротесковый, смеховой образ всего мира, а не охотились на отдельные человеческие недостатки.

Судьбы универсальных сатириков разные. Результаты их творчества очевидны и похвальны, но не оптимистичны. За те несколько тысячелетий, на протяжении которых в литературе работали сатирики, мир не переменился к лучшему.

Власть всегда панически боялась сатириков. В либеральных своих проявлениях власть стремится приручить сатириков, по крайней мере, терпеть их. Сентиментальная русская царица Екатерина II пролила немало слез над шпильками,

которые отпускал в ее адрес издатель «Трутня» Николай Новиков, хотя ей проще было бы, казалось, не обращать на него внимания или, на худой конец, бросить его в какую-нибудь крепость.

А не очень либеральные режимы просто уничтожали сатирика — морально или физически. Ибо кому хочется созерцать свое отражение в созданных сатириками гигантских зеркалах. Зеркала разбивались, а их творцы подвергались гонениям.

Существование сатиры во время эпохи тоталитаризма в СССР стало одним из ее парадоксов. Иосиф Сталин в свойственной ему парадоксальной манере объявил, что Советам нужны новые Салтыковы и Гоголи. Может быть, он надеялся на обоюдоострость лезвия сатиры — она уничтожает и своих, и врагов.

Может быть, не все сатирики советского времени правильно поняли выскакивание кремлевского мыслителя. По крайней мере, многие дали повод к устраниению себя из литературного процесса: Платонов, Зощенко, Булгаков, даже бывший любимец Сталина Демьян Бедный — «мужик вредный». Чудом уцелели Ильф и Петров.

А в Беларуси тем временем смертью казнили сатириков Леопольда Родзевича, Анатоля Дзеркача. Чудом уцелел Кондрат Крапива.

Андрея Мрыя ожидала своя драматическая планида. Он неуклонно приближал ее, создавая роман «Записки Самсона Самосуя», который, начиная с 1929 года, печатался в номерах журнала «Узывшша».

Сатирик создал художественный хронотоп, в котором нет разделения на положительных и отрицательных персонажей. В нем царит смех — гротеский, алогичный, абсурдистский. Вырастает новый для литературы художественный мир — райцентр Шепелевка.

Он населен не заурядными местечковцами или советскими обывателями, а человеческими единицами со странными именами, обозначающими зверей, или птиц, или рыб, или вообще неизвестных науке существ: Сом, Линь, Самчик, Куропат, Белорыбка, Курица, Зязулькова, Круторожка, Торба, Крейна, Юрлик, Головастик, Сметана-Бурчайла... Под этими говорящими именами прячется вся шепелевская номенклатура.

Я не очень люблю говорящие имена, считаю их простолинейным ходом, литературным моветоном. Однако думается, А. Мрый не просто маркировал отдельных персонажей, а создавал свой литературный зверинец, наподобие того, что сконструировал в романе-антиутопии «Скотный двор» английский сатирик Джордж Оруэлл.

Существование номенклатурной среды, по А. Мрыю, организовано по законам зоологизма, примитивных инстинктов.

Разные имена — разные персонажи. Товарищ Сом, возглавляющий районную вертикаль, неуклюжий, но солидный, основательно мыслящий. Товарищ Линь (рыба с таким названием считается у белорусов королевской) изворотливый, скользкий, похотливый, король адюльтера. Товарищ Крейна — подвижная, экзальтированная «рыбка», замеченная в любовных приключениях, но нередко — добрая, отзывчивая. В Шепелевке двигаются, проявляют активность, подсаживают друг друга суетливый Мамон, экзальтированный поэт Гарачы, проповедующий революционную радость, «сінюю і кіслую», ехидный философ Торба, и их суета напоминает броуновское движение пассивных частиц, хаотичное, бесцельное.

В то время, когда процветала Шепелевка, еще был актуален лозунг свободной любви, предложенный немецкими марксистами (мол, вступить в связь с мужчиной — это все равно что выпить стакан воды). Еще был в моде фрейдизм, признавались открытия менделизма-морганизма (генетики). Амурные приключения Линя, Сома, любовные игры Крейны — в них просматриваются проявления описанного Фрейдом «либидо», способного проникать во все сферы жизни, в том числе и в бытие советской провинции.

Жизнь шепелевской номенклатуры представляет собой гремучую смесь марксистских лозунгов, партийных директив и старых как мир, утробных инстинктов. Материализм в разумении шепелевцев — это поглощение еды, которое совершается во время новых ритуалов — так называемых «маевок», когда «вочы ўсіх аўтаматычна накіраваліся на клункі з ежай. Агульнае жаданне напоўніць сябе матэрыяй выказаў страхагент».

Шепелевская номенклатура не обновляет бытие, а омертвляет его, в том числе через творение таких чудовищных структур, как «райліт», «райМОПР», «райхім» и районная абортная комиссия. Создается монотонный и сомнительный новый рай.

На фоне большинства представителей шепелевской номенклатуры странным образом выделяется философ Торба, Диоген местечкового масштаба, который доверяет свои крамольные измышления записной книжке. «Не давай ёлупу агонь у рукі», — намекает на личность Самсона Самосуя философ Торба. Он спорит со стереотипами своего времени, утверждая: «Свет вялік, а дзецца недзе», и извлекает из своей «Торбы смеха» (было произведение с таким названием белорусского автора эпохи барокко Короля Жеры) следующие афоризмы: «Што пішы, а што ў галаве насі», «Увесь век вывучай наменклатуру». Эх, слушал бы он сам себя!..

Самсон Самосуй бухнулся в Шепелевку, как водяной в тихий омут. У него неукротимый холерический темперамент, колossalный заряд энергии, которую флегматичный товарищ Сом определяет как «дурную».

Свои «Записки...» Андрей Мрый пишет от первого лица. Получается, что сатирический герой должен изобличать сам себя. Это гениальная находка автора и в то же время его наибольшее затруднение. Потому что герой, едва успев родиться, начинает расхваливать себя, предается практике нарцисизма. Вот зеркало, в котором Самосуй рассматривает сам себя: «Матка зірнула на мяне, статнага, бялявага, з вельмі пухнатымі вуснамі і дужа кірпатым носам мужчыну...»; «я выцягнуўся і стаяў перад дзяўчынай, высокі, уважысты, з свежым, мужным (праўда, кірпаносым) тварам чалавек». Самосуй свято верит, что «в здоровом теле здоровый дух», и его любимая книга называется «Культура трох памераў цела».

Свою неистощимую энергию он не расходует на крестьянскую работу. В личной анкете он не забывает написать, что «з мужыкоў», но уже не умеет запрячь кобылу, а родителям презрительно бросает: «Як жа? Буду калупацца ў пясочку вашым? Няхай троху пачакае! Якое тут жыццё? Бачыўшы цывілізацыю, які разумны чалавек пачне рабіць калупайства ваша?»

Цивилизованность Самсона Самосуя раскрывается в его автобиографии, из которой мы узнаем, что этот субъект «трынку, валынку, свету палаўінку» обездил и нигде как следует не прижился. Он доверительно повествует про свою бурную молодость: «Я чалавек бывалы... Некалькі разоў сядзеў я пад арыштам і карміў сваёй чырвонай кроўю блох ды іншых шасцікрылых і шасціногіх херувімаў і сарахвімаў. Дый і не магло быць іначай з май тэмпераментам».

Социальный статус Самосуя определить невозможно, он человек — «перекати-поле», которого можно разве что с кем-нибудь сравнивать. Например, с колледжским регистратором Микитой Зноском из трагикомедии Янки Купалы «Тутэйшыя» или с товарищем Горшком из повести «Две души» Максима Горецкого. Объединяет этих героев их безыдейный карьеризм, инстинктивное желание «выбиться» в начальство.

Вышеупомянутый Микита Зносак усвоил практику переодевания, в прямом и переносном смысле: при немцах носил форму пожарного и учил немецкий, при поляках одевал конфедератку и учил польский, при Советах размахивал красным лоскутом, насаненным на палку, учился произносить политические спичи и приторговывал самогонкой. Гардероб Самсона Самосуя больше говорит о герое, чем его поступки: «Дзве хутры, адна лісіная, другая ваўчыная, дзве бекешы, шынелька вельмі пралетарскага крою, прастрэленая ў некалькіх мясцох; паходжэнне

гэтых дзірак я добра ведаў і ўсім гаварыў, што кулі белагвардзейскай сволачы прастрэлі яе на дзянікінскім фронце. Было яшчэ паліто даймперыялістычнай эпохі, куртатае і цеснае для маёй асобы... Шмат было ў мяне і нагавіц: галіфэ розных колераў і фасонаў, рэйтусы, клёшы, спрынджыкі (апошні крык амерыканскай моды), шаравары і нават беларускія споднікі з «сеслам» для эффектуўных выступленняў у тэатрах».

Имя героя говорит о нем больше, чем справка о социальном происхождении. Самосуй — эгоцентрик, стремящийся показать себя во всей красе всем и вся, самовыдвигающийся элемент; Самсон — это уже библейская аллюзия, воспоминание о герое, наделенном недюжинной силой, дикой энергией, спрятанной в его волосах. Кто же та коварная Далила, которая остижет кудри библейскому богатырю? Даже обаятельная Крейна не способна на такое. Впрочем, это и не входит в ее планы.

Приехав в Шепелевку, Самсон Самосуй убеждается, что инертному бытию местечка не хватает «грамадской рошчыны», той самой энергии, которой он наделен свыше всякой меры. Она изливается при первом же публичном выступлении героя на шепелевской маевке: «Для свайго першага дэбюту ў Шапялёўцы я апрануў белую шаўковую з шырокім адваротамі кашулю і замест гальштуку звязаў шырокім бантам чырвоную шаўковую істужку. Я ўпэўнены, што ўсе заглядаліся на гэты нечувана-вялізны, крывава-прыгожы, бліскучы бант! Мяне гэта ўзносіла на нечуваную вышыню, і я з захапленнем вітаў усіх. Грудзі шырока ўздымаліся, думкі шпарка варушыліся ў галаве, цэлы вадаспад слоў, моцных, запальных, ліўся сам сабою. На вялікі жаль, мне далі толькі 5 хвілін! Ці ж можна было ўкладца ў гэты нікчэмна малы тэрмін? І я, забыўшыся на ўсё, разышоўся на ўсю моц! Я страціў успрыманне часу, і мяне прымушаны былі спыніць, паслаўшы піянера з папярэджаннем...»

Самосуй — создание не только без корней, но и без профессии. Для него нет разницы, куда применить энергию, которая бушует в нем. В Шепелевке он делается «рычагом культуры». Он тренирует пожарников, устраивает облаву на бродячих собак, организует «солнечную кампанию», устраивает товарищеский суд над своим приятелем философом Торбой, занимается «шалёнай барацьбой» с религией, читает лекцию на тему «Аб гангрэнах нашага часу», которая начинается следующим образом: «Капіталістычныя рапухі шкваруцца, яны хочуць праглынуць нас. Імперыялістычнай вантроба, ці, па-нашаму кажучы, імперыялістычны каўбух, жарэ ды жарэ чалавече мяса пад прыкрыццём папяровага бюракратызу Лігі нацый...» Шепелевцы при виде такой активности не знают, смеяться им или плакать. А товарищ Сом, разбирающийся в людях, делает заключение: «Дурыла ты ва ўсесаюзным маштабе! Паглядзіш на цябе, здаецца, нічым прырода не пакрыўдзіла. А толькі разум нейкі дзівацкі!» И в то же время осторожный Сом не воюет с Самосуем, ибо убежден, что самосуи нужны обществу, «каб якую дзірку заткнуць». Той же мысли придерживается и философ Торба, который поддерживает с ним приятельские отношения, хотя и убежден: «У людзей дурні зыхаюць, а ў нас як з вады вылазяць». Убежден в своей непотопляемости и сам Самсон Самосуй: «Ат! Пройдзе ўсё, а я застануся».

Останется. Останется вместе со своей тайной. Кто он: авантюрист, патологический дурень, талантливый имитатор или кто-нибудь еще? Правда, его литературная жизнь была приостановлена: из первой книжки («скрутка») романа он перешел во вторую, но тут печатание произведения прекратилось, рукопись третьей части романа не сохранилась.

И тогда Самсон Самосуй со всей тяжестью своей энергии обрушился на судьбу своего создателя. В 1934 году Андрей Мрый был осужден на пять лет лагерей по делу учителей Краснопольского района БССР. Ему же вменялась в вину клевета на Советскую власть и ее представителей, которую обнаружили в «Записках Самсона Самосуя». В 1940 году по обвинению в создании анти-

советской организации получил еще пять лет лагерей. Умер, возвращаясь из ссылки.

Получилось так, что литературный герой погубил своего же создателя. Такое часто происходит в литературе, когда ее герои выходят из-под контроля, начинают жить своей самостоятельной жизнью.

Писатель пробовал защищаться. Даже написал оправдательное письмо «другу працоўных Іосіфу Вісарыёнавічу Сталіну», в котором пытался убедить вождя всемирного пролетариата в том, что не имел никаких плохих намерений, изображая житие отдельно взятого проходимца и карьериста, предлагал Іосифу Вісса́рионовичу самому ознакомиться с романом и посмеяться вместе с его автором. Ответа не получил.

Возвращение репрессированного романа произошло в 1988 году, когда произведение было опубликовано в журнале «Польмя», а потом вышло отдельным книжным изданием. Роман был экranизирован. Мне довелось быть одним из рецензентов возвращенного произведения. Помню разговор, который случился у нас по этому поводу с Иваном Антоновичем Брылем, который заметил, что роман Андрея Мрыя не вызывает у него смеха. Я согласился, что сатира не всегда должна быть смешной, она может быть пугающей, зловещей, в ней могут преобладать гротеск, карикатура, travestiation, парадокс, абсурдизм. Их полно в творении Андрея Мрыя. Однако есть и место чистому комизму, народному смеху, который искрится в главе «Гойстры гастрыт», который настоятельно рекомендую перечитать тем, кто любит юмор.

К числу художественных открытий А. Мрыя следует отнести и созданный им бюрократический «новояз», где нормальный человеческий язык перемешивается с канцеляритами. «Калі гляджу я ў твае вочы, дык забываюся на прафсаюз...» — так признается в любви к товарищу Крейне товарищ Самсон Самосуй. А. Мрый перетащил в созданный им языковой мир все, что попадалось под руку, — газетные лозунги, фразы из агиток, даже цитаты из речей «друга ўсіх працоўных», например: «Кадры решают все».

Недавно свет увидела монография исследователя литературы Валерия Назарова «Тайнопись Андрея Мрыя» (Минск, Белорусская наука, 2016). Автор небезосновательно считает, что тексты Андрея Мрыя представляют своего рода художественный шифр, и пытаются его дешифровать. Многое в наблюдениях литературоведа убедительно, кое-что вызывает сомнения, но текст монографии показывает неисчерпаемость художественного мира, созданного Андреем Мрыем.

